

ров» и «освободителей» покоренных народов, а с другой стороны, обосновать реакционную фашистскую «теорию» относительно отсутствия классовой борьбы в турецком обществе, об извечной «гармонии» классовых интересов, свойственной якобы только туркам.

Однако источники показывают, что не освобождение от феодальных пут принесли турки народам Византии и Балканского полуострова, а рабство и истребление, отбросив развитие покоренных народов на несколько столетий назад. В общен историческом плане турецкое господство явилось для завоеванных стран величайшей катастрофой, обрекавшей их на долгий, мучительный путь прохождения заново пережитого этапа развития в более тяжелых условиях иноземного ига.

Существовавшая в западноевропейской буржуазной исторической литературе версия о том, что турки в первое время не чинили притеснений покоренным народам, имеет, на наш взгляд, своим источником высказывания тех представителей феодальной верхушки некоторых областей Балканского полуострова, которые перешли на службу к турецкому султану и вследствие этого часто выступали в качестве прямых апологетов Турецкого государства и его военно-политической системы. Так, например, византиец Критовул Имбросский служил султану Мехмеду Фатиху и написал восторженный панегирик в честь этого правителя¹. Однако ни Критовул, ни другие подобные ему предатели из числа христианских феодалов отнюдь не отражали настроений народных масс, на плечи которых легла вся тяжесть военных ударов турок и гнета этих иноземных эксплуататоров. Наоборот, как мы уже отмечали выше, ренегаты, выходящие из среды христианской феодальной верхушки, служили в известной мере опорой турецких правителей в осуществлении политики насилия по отношению к их собственному народу.

Это положение подтверждается документами, публикуемыми самими же кемалистскими историками, пытающимися дать этим документам ложное толкование. В одном из таких документов, относящихся к первой половине XVII в., мы читаем следующее обращение турецкого бейлербея области Буды к палатинскому воеводе Николаю Эстергази: «Вы, друг наш, знаете, что счастье райи состоит в том, чтобы обрабатывать свой чифт (надел земли. — А. Т.) и производить посев. Следует пресекать стремление райи к ношению меча. Особенно Вы, друг наш, постоянно извещаете о городах, говоря: нежелательные действия райи пресечены. И вот такими Вашими действиями это прекращается. . . Мой почтенный друг, Вы содействуете укреплению во имя постоянных благих намерений (нашего) богом данного союза и правильными мерами искореняете возникающие беспорядки»².

Разумеется, в отношении к тем местным феодалам, которые становились на сторону завоевателей, турецкие правители, будучи крайне заинтересованы в них, как в своей опоре, были до поры до времени «добры и милостивы». В этом нет ничего удивительного. Это обстоятельство, естественно, вызывало «благодарность» султанам со стороны таких ревностных служителей «порядка». В письме одного из беев Трансильвании — Б. Габора, мы читаем: «От усопшего султана Ахмеда I мы видели много хорошего. Если мы совершим неблагодарные поступки по отношению к его детям и по отношению к Османскому государству, то хлеб и соль, которые мы ели в Турции, застрянут у нас в зубах»³.

¹ K. Müller. *Fragmenta Historicorum Graecorum*, t. V. Paris, 1883.

² Tayib Gökbilgin. *Macaristan'daki türk hâkimiyeti devrine ait bazı notlar. Türkiyat Mecmuası*, 1942, c. VII—VIII, cüz I, s. 207.

³ *Ibid.*, s. 206.